

Редьярд Киплинг

Отважные мореплаватели

Редьярд Киплинг

Отважные мореплаватели

«Public Domain»

1896

Киплинг Р. Д.

Отважные мореплаватели / Р. Д. Киплинг — «Public Domain»,
1896

«Туман клубился над Атлантическим океаном. Большой пароход быстро шёл вперёд, резким свистом разгоняя на пути рыбачьи лодки. Дверь в курительную комнату была настежь раскрыта...»

© Киплинг Р. Д., 1896

© Public Domain, 1896

Содержание

I	6
II	12
III	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Киплинг Р. Отважные мореплаватели

*** * ***

I

Туман клубился над Атлантическим океаном. Большой пароход быстро шёл вперёд, резким свистом разгоняя на пути рыбацьи лодки.

Дверь в курительную комнату была настежь раскрыта.

– Этот мальчишка Гарвей совершенно несносен, – произнёс человек в сером пальто, порывисто захлопнув дверь. – Вовсе нам не нужен здесь этот выскочка!

– Знаю я это воспитание. В Америке много таких господ! – проворчал сквозь зубы седоволосый немец, прожёвывая сандвич. – Они плохо кончают!

– Ну... особенно тревожиться тут нечего, скорее надо пожалеть его! – возразил обитатель Нью-Йорка, растянувшись во весь рост на подушках дивана. – Его таскали из отеля в отель, когда он был ещё совсем ребёнком. Сегодня утром я говорил с его матерью. Она очень милая леди, но совсем не умеет руководить сыном. Он отправляется в Европу, чтобы закончить своё образование.

– Это образование ещё не начиналось! – раздалось из угла, где сидел, скорчившись, филаделфиец. – Мальчик говорил мне, что получает двести долларов в месяц карманных денег. Ему ещё нет и шестнадцати лет.

– Его отец – железнодорожный туз? Не правда ли? – спросил немец.

– Да, и это, и рудники, и акции, и суда. Он заведовал постройкой в Сан-Диего и в Лос-Анджелесе, владеет полдюжиной железных дорог и позволяет жене мотать свои деньги, – усталым голосом продолжал филаделфиец. – Запад не удовлетворяет богатую леди. И вот она кружит по свету со своим мальчиком и своими расстроенными нервами. Побывали они и во Флориде, и в Адирондаке, и в Нью-Йорке и т. д. Мамаша желает позабавить своего мальчика. Когда он вернётся из Европы домой, это будет сплошной ужас!

– Что хочет сделать из него отец?

– Старик мечтал о многом и несколько лет тому назад осознал свою ошибку. Жаль, потому что в мальчике много хороших черт.

Дверь снова растворилась, и в комнату вошёл стройный, высокий мальчик лет пятнадцати, держа сигарету в углу рта.

Желтоватый цвет лица мало подходил его возрасту, а в его взгляде читалась нерешительность, вызов и какая-то болезненность. Юноша был одет в цветную куртку, гамаши, красные чулки и велосипедные башмаки. Красная фланелевая шапочка была сдвинута на затылок. Свистнув сквозь зубы, он оглядел все общество и громко произнёс:

– Туман порядочный... Около нас столпилось много рыбацких лодок... Не наехать ли нам на одну из них?..

– Закройте дверь, Гарвей, – сказал житель Нью-Йорка, – закройте её и уйдите. Вы нам не нужны!

– Кто запретит мне стоять здесь? – возразил юноша развязно. – Разве вы платили за мой проезд, мистер Мартин? Я имею такое же право быть здесь, как все другие пассажиры!

Он схватил фигуры с шахматной доски и начал перебрасывать их с руки на руку.

– Скучно, джентльмены! Не сыграть ли нам в покер?

Ответа не последовало. Гарвей пыхнул сигаретой, покачал ногой и забарабанил пальцами по столу.

– Как чувствует себя сегодня ваша мама? – спросил один из присутствовавших. – Я не видел её сегодня за завтраком.

– Она у себя, я полагаю, мама почти всегда бывает больна на море. Я готов дать пятнадцать долларов служанке, чтобы она получше ухаживала за ней. Сам я редко спускаюсь вниз,

потому что не люблю проходить мимо этих лакейских чуланов. Вот я в первый раз переезжаю океан, джентльмены, и, кроме первого дня, я не был несколько болен!

Юноша торжественно махнул кулаком и собрался уходить.

– О, да, вы представляете из себя патентованную машину, – произнёс, зевая, филаделфиец, – и будете пользоваться кредитом у себя дома!

– Я знаю это. Я прежде всего американец до мозга костей и буду им всегда. Проеду по Европе и покажу им себя. Ну!.. Сигаретка докурилась... Нет ли у кого из джентльменов настоящей сигары?

В эту минуту вошёл главный механик, красный, улыбающийся, мокрый.

– Скажите, Макс, – закричал Гарвей весело, – как дела?

– Все идёт обычным путём, – был серьёзный ответ, – младшие почитают старших, а старшие стараются оценить младших!

Лёгкий стук послышался в углу. Немец открыл свой сигарный ящик и подал Гарвею прекрасную сигару.

– Вот, покурите, молодой друг! – произнёс он. – Я могу доставить вам это удовольствие. Гарвей зажёг сигару, хотя чувствовал себя неловко в этом обществе взрослых.

– Однако, начинает сильно качать! – проговорил он.

– Мы сейчас узнаем это, – возразил немец. – Где мы теперь, мистер Макдональд?

– Бродим вокруг и около, мистер Шеффер, – ответил инженер. – Сегодня ночью мы будем на Большой Отмели. Мы находимся среди рыбацких лодок.

– Нравится вам моя сигара? – спросил немец Гарвея, глаза которого были полны слез.

– Прекрасная, ароматная сигара! – ответил он сквозь зубы. – Мы, кажется, замедлили ход, не правда ли? Я пойду посмотрю, что показывает лот.

Гарвей зашагал по мокрой палубе к ближайшим перилам. Ему было скверно, но, заметив лакея, занимавшегося уборкой палубы, он поспешил дальше. Похваставшись, что никогда не страдал морской болезнью, Гарвей, из гордости, не желая никому показать своей слабости, шатаясь, добрался до кормы. На деке¹ никого не было, и Гарвей едва добрался до фок-мачты. Здесь он замер от боли. Ему казалось, что голова его распухла, огненные пятна мелькали перед глазами, тело потеряло свой вес, а ноги выплясывали дикий танец. Юноша совершенно ослаб от морской болезни.

Вдруг сильный толчок перебросил его через перила. Огромная серая волна, вынырнувшая из тумана, приняла его в свои материнские объятия... Зеленоватая глубина сомкнулась над ним. Гарвей потерял сознание...

Он очнулся при звуке обеденного сигнала, подобного тому, который он слышал в летней школе в Адирондаке. Медленно припомнилось ему, что он – Гарвей Чейне, что он утонул в океане; но слабость мешала ему сосредоточиться. Холодная дрожь пробежала по спине; он вдохнул странный запах; его рот был полон солёной воды.

Открыв глаза, он заметил, что море серебристым пространством расстилается вокруг него, что он лежит на куче рыбы, около человеческой фигуры, одетой в голубую вязаную куртку.

«Скверно! – подумал юноша. – Я умер, конечно, и все это мне просто мерещится».

Гарвей громко застонал. Человек повернул к нему голову, сверкнув парой золотых серёг, едва видневшихся из-под нависших курчавых чёрных волос.

– Ага! Чувствуешь себя получше? – произнёс он. – Лежи себе спокойно, лучше будет!

Лёгким толчком он столкнул лодку в море, не прерывая своего разговора и не обращая внимания на огромную волну, грозившую лодке.

– Ловко я поймал тебя! – продолжал он. – Ловко!.. Как это ты упал?

¹ Дек – палуба и пространство между палубами на парусном судне.

– Я был болен, – отвечал Гарвей, – и ничего не помню.

– Я трубил в рог, чтобы ваш пароход не наскочил на мою шлюпку. Вижу, ты свалился. Я поймал тебя, как хорошую рыбу, и вот ты жив!

– Где я теперь? – спросил Гарвей.

– У меня. Зовут меня – Мануэль, я со шхуны «Мы здесь» из Глостера. Скоро будем ужинать!

Казалось, у этого человека было две пары рук и железная голова. Он не удовлетворился тем, что трубил в свой рог, но выпускал ещё резкий, пронзительный крик, терявшийся в тумане. Гарвей не мог сообразить, сколько времени продолжалась эта забава, потому что в ужасе откинулся назад. Ему чудилось, что он слышит выстрел, звук рога и крики. Несколько голосов заговорили сразу. Гарвея положили в какую-то мрачную нору, дали выпить чего-то горячего и сняли с него платье. Он крепко уснул.

Когда мальчик проснулся, то ждал звонка к первому завтраку на пароходе, удивляясь, что его каюта вдруг уменьшилась в размерах. Повернувшись, он увидел, что находится в узком треугольном углублении, освещённом висючей лампой. За треугольным столом, около печки, сидел юноша его лет, с полным, красным лицом и серыми искристыми глазами, одетый в синюю куртку и высокие сапоги. Несколько пар такой же обуви, старая шапка и носки лежали тут же, на полу, вместе с чёрными и жёлтыми вошанками. Всевозможные запахи смешивались тут: особенный и присущий вошанкам запах, вместе с запахом свежей и жареной рыбы, краски, перца и табака. Надо всем этим царил запах судна и солёной воды. Гарвей с отвращением заметил, что спал без простынь и лежал на грязном мешке. Движение шхуны не походило на движение парохода. Она скользила и вертелась, шум воды долетал до его ушей, и волны тихо рокотали около киля. Все это привело юношу в отчаяние и заставило его вспомнить о матери.

– Лучше себя чувствуешь? – спросил его мальчик, усмехаясь. – Хочешь кофе?

Он принёс полную чашку чёрного кофе.

– Разве у вас нет молока? – произнёс Гарвей, оглядывая ряд скамеек, словно ожидая найти там корову.

– У нас не бывает ничего подобного до половины сентября, – возразил мальчик. – Кофе хороший, я сам заваривал!

Гарвей молча выпил чашку, затем мальчик принёс ему блюдо с ломтями свинины, которую он с удовольствием съел.

– Я высушил твоё платье, – сказал мальчик, – оно все сморщилось. Повернись-ка, я взгляну, не ушибся ли ты?

Гарвей вертелся в разные стороны, не помня себя от обиды.

– Ничего! – весело произнёс мальчик. – Теперь иди на дек. Отец хочет взглянуть на тебя. Я его сын – Дэн, я помогаю повару и исполняю всю чёрную работу. С тех пор как уехал Отто – он был немец, ему было двадцать лет, – здесь не осталось мальчиков, кроме меня. Как это тебя угораздило свалиться в море в такую тихую погоду?

– Вовсе не тихую, – сердито возразил Гарвей, – было ветрено; я страдал морской болезнью, меня перебросило через перила!

– Море было тихо в эту ночь, – сказал мальчик. – Если ты это называешь ветром, – он свистнул, – тогда ты мало смыслишь! Ну, живо иди! Отец ждёт тебя!

Подобно многим плохо воспитанным юношам, Гарвей никогда в жизни не слышал приказаний, за исключением долгих рассуждений о добродетели послушания. Мистрис Чейне жила в вечном страхе за своё здоровье, так как у неё бывали сильнейшие нервные припадки.

Гарвея возмутило это приказание.

– Твой отец может сам прийти сюда, если хочет говорить со мной. Я попрошу отвезти меня в Нью-Йорк и заплачу ему за это!

Дэн широко раскрыл глаза.

– Слышишь, отец, – вскричал он, – он говорит, что ты можешь сам прийти, если желаешь говорить с ним! Слышишь?..

– Не дурачься, Дэн, и пошли его ко мне!

Эти слова были произнесены таким низким голосом, какого Гарвей никогда и не слышивал.

Дэн усмехнулся и бросил Гарвею его башмаки.

В интонации этого странного голоса было что-то, заставившее юношу сдерживать свой гнев и утешиться мыслью, что он расскажет этим людям о богатстве своего отца. Когда он освободится от них и вернётся домой, друзья будут считать его настоящим героем.

Он поднялся по лестнице на дек, споткнулся и подошёл к сидевшему на ступеньках маленькому, плотному человеку с чисто выбритым лицом и серыми глазами, которые сверкали под густыми, хмурыми бровями.

За ночь волнение утихло. Море слабо плескалось. На горизонте белели паруса рыбачьих лодок. Шхуна тихо качалась на якоре; за исключением шкипера, на ней никого не было.

– Доброго утра! Добрый полдень, вернее сказать! Ты проспал круглые сутки, приятель! – таким приветствием встретили Гарвея.

– Доброго утра! – ответил он. Ему вовсе не понравилось название «приятель», так как, в качестве тонувшего, он рассчитывал на лучший приём. Его мать сходила с ума, если ему приходилось промочить ноги, а этот моряк даже не побеспокоился спросить его о здоровье.

– Ну-с, теперь слушаем, что ты скажешь! Кто ты и откуда?

Гарвей сказал своё имя, название парохода, на котором ехал, рассказал о своём приключении и просил немедленно свезти его в Нью-Йорк, где отец заплатит за все.

– Гм, – произнёс моряк, слушавший неподвижно рассказ Гарвея. – Я не могу точно сказать, что мы могли подумать о человеке, или, вернее, о мальчике, который падает с парохода, как свёрток, при тихой погоде. Конечно, его извиняет, что он страдал морской болезнью...

– Извинение! – вскричал Гарвей. – Неужели я упал в воду нарочно, чтобы попасть на вашу грязную лодку?

– Не знаю, нарочно ли ты упал, друг мой, или нет, но знаю, что если бы я был на твоём месте, то не бранил бы лодку, которая волей Провидения спасла тебя от смерти! Во-первых, это не благочестиво, а, во-вторых, мне это неприятно. Я – Диско Троп, владелец шхуны «Мы здесь» из Глостера!

– Я этого не знаю и знать не желаю, – отвечал Гарвей. – Я очень благодарен за спасение и за все, и чем скорее меня доставят в Нью-Йорк, тем лучше – я заплачу!

– Сколько же?

Троп приподнял свои густые брови, под которыми светились кроткие голубые глаза.

– О, доллары, сотню долларов, – ответил Гарвей, восхищённый тем, что его слова произвели впечатление, – много долларов!

Он засунул руку в карман и похлопал себя по животу, чтобы придать себе величия.

– Вы никогда ещё не заработали в своей жизни столько, сколько получите, доставив меня в Нью-Йорк. Я – Гарвей Чейне!

– Сын богача?

– О, если вы не знаете, кто такой Чейне, то мало знаете. Ну, поворачивайте шхуну и спешите!

Гарвей был убеждён, что в Америке множество людей, мечтающих и завидующих долларам его отца.

– Может быть, я исполню твоё желание, может быть, и нет. Это зависит от меня. Я не собираюсь ни в Нью-Йорк, ни в Бостон. Только в сентябре мы увидим восточный берег, и твой отец – жалко, что не слышал о нем ничего, – может дать мне тогда десять долларов, если у него есть!

– Десять долларов! Вот...

Гарвей вытащил из кармана пачку с сигаретами.

– Меня обокрали! – закричал он. – Обокрали! Денег нет!

– Значит, мне придётся ждать, когда твой отец наградит меня!

– Сто тридцать четыре доллара – все украдено! – кричал Гарвей, в отчаянии роясь в карманах. – Отдайте их назад!

Курьёзная перемена произошла в суровом лице Тропа.

– Что ты мог делать со ста тридцатью четырьмя долларами в кармане, друг мой? Откуда они у тебя?

– Это часть моих карманных денег, выдаваемых мне каждый месяц!

– Ого! Только часть денег! Не много ли это, товарищ? Старик Хаскен со шхуны «East Wind», – продолжал он как бы про себя, – работал всю жизнь и боролся с врагами... теперь он дома в Эссексе с маленькой суммой долларов!..

Гарвей изнывал от злости, но Троп продолжал:

– Очень жаль, очень жаль, ты ещё так молод! Надеюсь, больше не будем говорить о деньгах?

– Конечно, вы украли их!

– погоди! Если мы украли их, то для твоего же комфорта, для тебя же! Ты не можешь теперь попасть домой, потому что мы попали сюда ради куска хлеба. У нас нет карманных денег, сотен долларов в кармане. При удаче мы пристанем к берегу через пять недель, но только в случае удачи, а то не раньше сентября!

– Но теперь только май. Я не могу оставаться здесь, ничего не делая, пока вы будете ловить рыбу. Не могу я, поймите!

– Правильно, товарищ! Никто не просит тебя ничего не делать. Отто уехал от нас, а ты будешь работать, если можешь! Не правда ли?

– Я могу многое сделать для всего экипажа, когда мы высадимся на берег! – сказал Гарвей, кивнув головой и бормоча про себя что-то о «пиратах», на что Троп только улыбнулся.

– Ну, что попусту разговаривать! Ты можешь и умеешь говорить больше, чем весь экипаж шхуны. А теперь вот что, друг мой, смотри в оба, где что надо сделать, помогай Дэну убирать и стряпать, и я положу тебе десять с половиной долларов в месяц – тридцать пять в конце нашей работы. Работа принесёт тебе пользу; а рассказывать нам про своих папу и маму и свои деньги ты можешь после!

– Мама на пароходе! – сказал Гарвей со слезами на глазах. – Отвезите же меня в Нью-Йорк! Бедная женщина! Когда меня возвратят ей, она все простит!

– Но нас восемь человек; если мы не вернёмся назад больше чем за тысячу миль – мы потеряем время и заработок!

– Отец заплатит за все!

– Не сомневаюсь в этом, – возразил Троп, – но уплатить восьми рыбакам заработок всего сезона! Приятно ли тебе будет видеть его разорение? Иди наверх и помогай Дэну! Десять с половиной в месяц, говорю тебе, остальное зависит от тебя самого!

– Что? Я буду мыть кастрюли и горшки? – спросил Гарвей. – Не хочу! Мой отец даст столько денег, что можно будет купить десять таких грязных шхун, – Гарвей топнул ногой, – если меня доставят домой, в Нью-Йорк! У меня уже взяли сто тридцать четыре доллара!

– Как это? – лицо Тропа омрачилось.

– Как? Вам лучше знать как. Потом ещё хотят заставить меня работать. Я не хочу!

Троп внимательно разглядывал мачту, пока Гарвей изощрялся в красноречии.

Дэн схватил Гарвея за локоть.

– Перестань спорить с отцом! – сказал он. – Ты назвал его вором два или три раза, знаешь ли ты, что никто не смел сказать ему это!

– Мне все равно! – кричал Гарвей.

– Это не по-товарищески, – произнёс наконец Троп, взглянув на юношу, – я не осуждаю тебя, и ты не вправе судить меня. Ты не знаешь, что говоришь! Итак, десять с половиной долларов... второму мальчику на шхуне, чтобы научить работать и поправить его здоровье. Так или нет?

– Нет! – возразил Гарвей. – Я хочу домой, в Нью-Йорк!

Он плохо помнил, что было с ним дальше. Юноша упал на пол, держась за нос, из которого ручьём лилась кровь. Троп спокойно смотрел на него.

– Дэн, – сказал он сыну, – я составил слишком поспешное мнение об этом юноше. Никогда не прибегай к поспешным заключениям, Дэн. Теперь мне жаль его, потому что он просто сумасшедший и невменяем. Он не сознаёт, вероятно, что оскорбил меня, не помнит, что прыгнул с корабля в воду, в чем я почти убеждён. Обращайся с ним ласково, Дэн, и ты не пожалеешь об этом. Пусть он говорит, что хочет!

Троп ушёл в каюту, предоставив Дэну позаботиться о несчастном наследнике тридцати миллионов.

II

– Я предостерегал тебя, – сказал Дэн, – отец не любит этого... Ну!.. Чего тут горевать! Плечи Гарвея вздрагивали от судорожных рыданий.

– Я понимаю твоё чувство! Не будь же таким плаксой!

– Этот человек помешанный или пьяный... Я не умею ничего делать! – жалобно простонал Гарвей.

– Не вздумай сказать это отцу! – прошептал Дэн. – Он теперь выпивши и сказал мне, что ты безумный! Ну, зачем ты назвал его вором? Ведь он мой отец!

Гарвей сел, вытер глаза и рассказал Дэну всю историю пропавших денег.

– Я вовсе не безумный, – продолжал он, – но твой отец никогда не видел у себя в руках более пяти долларов, а мой отец может купить вашу шхуну и нисколько не обеднеет!

– Ты не имеешь понятия о ценности шхуны «Мы здесь». Твой отец должен иметь для этого кучу денег. Как он достал бы столько?

– У отца деньги в золотых рудниках и других предприятиях.

– Да, я читал об этом. На западе, да? Отец твой ездит с пистолетом на быстром пони? Я слышал, что шпоры и узды у них из чистого серебра!

– Какие глупости! – возразил Гарвей, невольно улыбаясь. – Отцу вовсе не нужны пони. Когда ему нужно выехать, он велит подать экипаж!

– Как? Какой экипаж?

– Свой собственный, конечно. Разве ты никогда в жизни не видел собственных экипажей?

– У Бимана есть такой, – ответил Дэн осторожно, – я видел в Бостоне этот экипаж, управляемый тремя неграми. Но Биман владеет всеми железными дорогами на острове. Он – миллионер!

– Ну, а мой отец – дважды миллионер, у него два собственных автомобиля: один называется «Гарвей», как я, другой носит имя моей матери – «Констанция»!

– Отец не позволяет мне клясться, но мне хочется, чтобы ты поклялся, что говоришь правду. Скажи: «Пусть я умру, если солгу!»

– Пусть я умру, если каждое моё слово – не чистая правда!

– Сто тридцать четыре доллара! Я слышал, как ты говорил отцу!

Дэн был хитрый юноша и скоро убедился, что Гарвей не лжёт.

– Я верю тебе, Гарвей, – произнёс он с улыбкой восхищения на своём широком лице, – отец ошибся в тебе. Только он не любит ошибаться!

Дэн лёг и начал похлопывать себя по бёдрам.

– Я не желаю, чтобы меня ещё раз поколотили! Я все-таки взял верх над ним!

– Сроду не слышал, чтобы кто-нибудь взял верх над моим отцом. Он все же поколотил тебя!.. Золотые рудники, два своих экипажа, двести долларов карманных денег в месяц! Очень нужно работать за десять с половиной долларов в месяц!

Дэн разразился тихим смехом.

– Значит, я был прав? – спросил Гарвей.

– Совсем нет! Отец – справедливый и честный человек. Это знают все рыбаки!

– А это тоже справедливо? – Гарвей указал на свой разбитый нос.

– Это пустяки и полезно для твоего здоровья. Я не хочу иметь дела с человеком, который считает меня или отца вором. Мы – рыбаки, работаем вместе уже шесть лет. Когда я сушил твоё платье, я не знал, что там в карманах. И я и отец – мы ровно ничего не знаем о твоих деньгах. Слышишь?!

Кровотечение из носа освежило голову Гарвея.

– Это правда, – сказал он со смущённым видом, – мне кажется, что, как спасённый от смерти, я оказался не очень благодарным, Дэн!

– Да, ты глупо вёл себя и обидел нас!

– А где твой отец теперь?

– В каюте. Что тебе надо от него?

– Увидишь! – произнёс Гарвей и пошёл, шатаясь, по лестнице в каюту.

В выкрашенной жёлтой краской каюте Троп сидел с записной книжкой, держа в руке огромный чёрный карандаш.

– Я был несправедлив, – сказал Гарвей.

– Что такое случилось? – спросил моряк. – Вы поссорились с Дэном?

– Нет, я говорю...

– Я слушаю!

– Я беру свои слова назад. Если человека спасли от смерти...

Гарвей запнулся.

– Ну!

– Он не должен быть неблагодарным и оскорблять людей!

– Что верно, то верно! – согласился Троп с сухой усмешкой.

– Я пришёл сказать, что очень сожалею!..

Снова пауза.

Троп поднялся с места, и его огромная рука легла на плечо Гарвея.

– Я не доверял тебе, а теперь вижу, что ошибся в своём мнении! – произнёс он.

Заслышав лёгкий смех на деке, он добавил:

– Я редко ошибаюсь в своих суждениях. Мы немножко не ладили с тобою, мой юный друг, но я не думал о тебе ничего худого. Иди займись теперь делом!

– Ты хорошо поступил, – сказал Дэн, когда Гарвей вернулся на дек...

– Я не чувствую этого! – ответил тот, покраснев до корней волос.

– Но я рад, что все кончилось хорошо. Раз отец принял решение, он никогда не изменит его. Он прав, что не хотел везти тебя домой. Мы должны ловить рыбу и зарабатывать деньги. Люди наши скоро вернутся, поймав кита!

– Зачем вернутся? – спросил Гарвей.

– Ужинать, конечно. Разве твой желудок молчит? Тебе надо многому научиться здесь!

– Да! – ответил Гарвей, окинув взглядом блоки и снасти наверху.

– Подожди, – произнёс Дэн, – когда мы кончим ловлю, а пока у нас много работы!

Он указал на люк между двумя мачтами.

– Что там такое? – спросил Гарвей. – Там пусто.

– Да, и мы должны наполнить эту пустоту рыбой.

– Живой? – спросил Гарвей.

– Нет. Сначала рыба уснёт, потом её посолят.

– Где же рыба?

– В море, в лодках у рыбаков, – ответил Дэн. – Мы с тобой, – продолжал он, указывая на нечто вроде деревянного загона, – должны грузить рыбу сюда. Все будет полно сегодня ночью. Теперь они скоро вернутся!

Дэн взглянул через низкие перила на море, где виднелось до полдюжины лодок.

– Я никогда не видел море так близко! – сказал Гарвей. – Прекрасный вид!

Склонявшееся к закату солнце окрашивало воду пурпуром, золотя набегавшие валы и оттеняя быстрину. На каждой лодке виднелись чёрные фигуры, маленькие издали, как куколки.

– Они хорошо работали, – сказал Дэн, прищурившись, – Мануэлю не хватит места для рыбы!

– Который из них Мануэль?

– Последняя лодка слева! Это он вытащил тебя из воды вчера ночью. Мануэль – португалец, это нетрудно угадать по его манере грести. Вот эти широкие плечи – это Долговязый Джэк, родом из южного Бостона. Все они молодцы. Вот этот – Том Плэт... Он мало говорит, но зато умеет петь и удачлив в рыбной ловле!

Звучное пение донеслось до их ушей из одной лодки.

– Да, это Том, – произнёс Дэн, – он расскажет тебе завтра об «Огио». Смотри, вон голубая лодка позади него. Это мой дядя – брат отца! Как плохо он гребёт! Я готов биться об заклад, что он опять сегодня обжётся «клубникой»; ему ужасно не везёт!

– Чем обжётся? – переспросил Гарвей.

– «Клубникой». Мы так называем особый вид водорослей. Теперь попробуем поработать. Правда ли, что ты говорил мне, что никогда ничего не делал? Тебе страшно начать?

– Я попытаюсь! – спокойно отвечал Гарвей и схватил верёвку и железный длинный крюк, пока Дэн притащил устройство, которое он называл «верхний лифт». В это время к ним подплыл Мануэль в своей лодке. Португалец улыбнулся Гарвею и начал бросать рыбу на дек.

– Двести тридцать одна штука! – воскликнул он.

– Дай ему багор! – сказал Дэн.

Мануэль схватил багор, зацепил им за корму и прыгнул на шхуну.

– Тащи! – скомандовал Дэн, и Гарвей тащил, удивляясь, что лодка так легка.

– Держи! – и Гарвей держал, потому что лодка находилась на весу, над его головой.

– Спускай! – кричал Дэн, и, когда Гарвей спустил, Дэн поднял лёгкую лодку одной рукой и поставил её позади грот-мачты.

– Легко! Эта лодка очень удобна для пассажиров!

– Ага! – подтвердил Мануэль. – Ну, как ты себя чувствуешь, милый? Вчера ночью мы поймали тебя вместо рыбы. Теперь ты сам ловишь рыбу. Каково!

– Я очень благодарен вам! – сказал Гарвей, снова роясь в своих карманах и вспомнив, что у него нет денег.

– Меня нечего благодарить! – возразил Мануэль. – Разве я мог допустить, чтобы ты утонул? Теперь ты – рыбак. Я сегодня не успел вычистить лодку. Слишком много дела. Дэн, дитя моё, вычисти за меня!

Гарвей двинулся вперёд. Он мог и хотел помочь человеку, который спас ему жизнь.

Дэн бросил ему швабру, и юноша принялся чистить лодку, счищать ил, тину; делал он это, правда, неловко, неумело, но с полным усердием.

Целый ливень блестящей рыбы полетел в загородку.

– Мануэль, держи лодку! Гарвей, почисти её!

– Эта лодка – словно утка на воде! – сказал Долговязый Джэк, высокий человек с седым щетинистым подбородком и длинными губами.

Троп в своей каюте что-то ворчал и громко сосал карандаш.

– Двести три штуки! Дай-ка взглянуть! – попросил человек, который был ростом ещё выше Долговязого Джэка. Лицо его было безобразно из-за огромного рубца, тянувшегося от левого глаза до правого угла рта.

Не зная, что делать дальше, Гарвей вымыл дно лодки, снял поперечины и положил их на дно.

– Он – молодец! – произнёс человек с рубцом, имя которого было Том Плэт, критически оглядывая Гарвея. – Есть два способа работать: один – это ловить рыбу, другой...

– То, что мы делали на старом «Огио»! – прервал его Дэн. – Не мешай мне, Том Плэт, дай мне накрыть на стол!

Он прислонил конец стола к перилам и ткнул его ногой.

– Дэн, ты ленив и способен спать целый день, – сказал Долговязый Джэк, – ты также достаточно дерзок; но я уверен, что ты исправишь в неделю этого молодца, если захочешь!

– Его имя – Гарвей! – сказал Дэн, размахивая двумя ножами очень странной формы. – Он стоит пятерых из южного Бостона!

Юноша положил ножи на стол, покачал головой и полюбовался на производимый ими эффект.

– Я думаю, тут сорок два! – произнёс где-то снаружи тонкий голос.

– Счастье изменило мне, – ответил другой голос, – у меня сорок пять штук!

Раздался смех.

– Сорок два или сорок пять! Я сбился со счёта!

– Это Пенн и дядя Сальтерс считают улов! – сказал Дэн. – Это вся их дневная добыча?

Надо взглянуть!

– Назад, назад! – прогудел Долговязый Джэк. – Сыро там сегодня, детки!

– Сорок два, ты сказал? – спросил дядя Сальтерс.

– Я пересчитаю! – ответил ему чей-то голос.

Обе лодки причалили к шхуне.

– Постой! – вскричал дядя Сальтерс, расплёскивая воду веслом. – Терпеть не могу таких людей, как ты! Ты только сбил меня со счёту!

– Мне очень жаль, мистер Сальтерс. Я пошёл в море, рассчитывая вылечить нервную диспепсию!

– Убирайся ты со своей нервной диспепсией! Провались ты совсем! – проворчал дядя Сальтерс, жирный, плотный маленький человек. – Сколько ты сказал, сорок два или сорок пять?

– Я забыл, мистер Сальтерс! Надо пересчитать!

– Конечно, сорок пять штук, – ворчал Сальтерс, – ты плохо считаешь, Пенн!

Диско Троп вышел из каюты.

– Сальтерс, – сказал он, – убери рыбу как следует! – Голос его звучал повелительно.

Пенн, стоя в лодке, продолжал считать улов.

– Это улов всей недели! – сказал он, жалобно посматривая кругом.

– Одна, две, четыре, девять! – считал Том Плэт. – Сорок семь всего!

– Подержи! – ворчал дядя Сальтерс. – Держи, я опять сбился со счёта!

– Кто-нибудь из наших будет собирать «клубнику», – сказал Дэн, обращаясь к восходящему месяцу, – и наверное, найдёт много!

– А другие, – возразил дядя Сальтерс, – будут есть и лентяйничать.

– За стол! За стол! – кричал чей-то голос, которого Гарвей ещё не слышал.

Троп, Том Плэт, Джэк и Сальтерс пошли к столу.

Маленький Пенн наклонился над рулём. Мануэль лежал, вытянувшись, на деке, а Дэн вколачивал молотком гвозди в бочку.

– Скоро будем ужинать и мы, – сказал он, – Том Плэт и отец ужинают вместе с другими, это – первая смена! Ты, я, Мануэль и Пенн – юность и красота нашего общества. Это – вторая смена!

– Ну что же, – сказал Гарвей, – я очень голоден!

– Они скоро кончат. Хорошо пахнет? Отец держит хорошего повара. Сегодня славный улов! Какова была вода, Мануэль?

– Двадцать пять локтей! – ответил португалец.

Луна уже высоко поднялась на небе и отражалась в спокойных водах моря, когда старшие кончили ужин. Повару не пришлось звать «вторую смену».

Дэн и Мануэль уселись за стол в то время, когда Том Плэт, самый рассудительный из старших, усердно вытирал рот рукой. Гарвей последовал за Пенном и сел за стол перед кастрюлей с вареной треской, за которой следовали свинина со свежими овощами и горячим хлебом

и крепкий чёрный кофе. Как они ни были голодны, но ждали, пока прочтут молитву. Затем они принялись за еду. Наконец Дэн тяжело вздохнул и спросил Гарвея, как он себя чувствует.

– Хорошо, но место в желудке ещё есть! – отвечал Гарвей.

Кок – огромный чёрный негр – почти не говорил, ограничиваясь улыбками и знаками.

– Смотри, Гарвей, – сказал Дэн, – молодые и красивые люди, ты, я и Мануэль, – мы – вторая смена и едим после первой. Они – старые рыбаки. Их желудки не любят ждать. Они едят первые. Не правда ли?

Кок кивнул головой.

– Разве он не говорит? – спросил Гарвей шёпотом.

– Немного. Его язык очень смешон. Он явился с Бретенского мыса, где говорят на каком-то наречии шотландского языка.

– Это не шотландский язык, а гэльский, – сказал Пенн. – Я читал в одной книге!

– Пенн много читает!

– Твой отец, Дэн, уже спросил, сколько они наловили рыбы? Они его не обманут?

– Нет. Какой смысл им лгать из-за какой-то трески?

Вторая смена кончила ужин. Тень от мачт и оснастки чёрным пятном ложилась на палубу.

Целая груда рыбы на корме светилась, словно серебро. Диско Троп и Том Плэт ходили взад и вперед. Дэн передал Гарвею вилы и повёл его к грубому столу, по которому дядя Сальтерс нетерпеливо барабанил рукояткой ножа.

У его ноги стоял ушат с солёной водой.

– Помоги дяде Сальтерсу солить рыбу, да береги глаза, когда Сальтерс начнёт размахивать ножом, – сказал Дэн, качаясь на подпорке. – А я буду передавать соль вниз.

Пенн и Мануэль стояли на коленях, размахивая ножами. Долговязый Джэк, в рукавицах, разместился против дяди Сальтерса.

– Га! – вскричал Мануэль, взяв одну рыбу под жабры, и бросил её в загородку. Сверкнуло острие ножа, и рыба с распоротым брюхом упала к ногам Джэка.

Долговязый Джэк держал в руке черпак.

Вот печень упала в корзину. Ещё удар, и треска, обезглавленная, выпотрошенная, шлёпнулась в ушат, разбрызгивая солёную воду в лицо удивлённому Гарвею.

Все работали молча. Скоро ушат был полон рыбы.

– Натирай солью! – крикнул дядя Сальтерс, не поворачивая головы, и Гарвей начал натирать рыбу солью.

Мануэль ревностно работал, стоя неподвижно, как статуя, но его длинные руки неперестанно загребали рыбу.

Маленький Пенн также работал добросовестно, но видно было, что он неловок.

Иногда Мануэль находил возможность помочь Пенну, не пропуская в то же время и своей очереди. Раз Мануэль уколол палец о французский крючок и закричал от боли. Крючки эти делаются из мягкого металла, чтобы можно было вторично загнуть их после употребления, но треска часто срывается с этих крючков и уносит их с собою, пока не падёт вновь. Вот почему глостерские рыбаки не жалуют французов и их изобретений.

Звук втирания крупной соли напоминал шум точильного колёса; вместе с ним смешивался шорох режущих ножей, отделявших голову от туловища, шлёпанье падающих внутренностей и распластанной рыбы.

Поработав с час, Гарвей очень не прочь был отдохнуть. Свежая сырая рыба вовсе не так легка, как вы думаете. От постоянного сгибания у Гарвея заныла поясница. Зато в первый раз в жизни у него было сознание, что он – полезный член трудящегося человечества. Эта мысль заставляла его гордиться, и он молча продолжал работать.

– Стой! – крикнул наконец дядя Сальтерс. Пенн выпрямился и взглянул из-за груды распластанной рыбы. Мануэль начал раскачиваться, чтобы размять уставшее тело. Долговязый

Джэк облокотился. Как молчаливая чёрная тень, пришёл негр-кок, подобрал несколько рыбьих голов и хребтов и ушёл.

– Славное у нас будет блюдо на завтрак! – чмокнул губами Долговязый Джэк. – Отварная рыба с сухарями!

– Воды! – попросил Диско Троп.

– Вот там кадка стоит, а рядом ковш, Гарвей! – скомандовал Дэн.

Гарвей живо сбегал и вернулся с огромным ковшом мутной, застоявшейся воды, которая, однако, показалась слаще нектара и развязала язык Диско и Тому Плэту: они перекинулись замечаниями насчёт количества пойманной трески.

Но вот Мануэль снова подал сигнал приниматься за дело. На этот раз работали, пока не выпотрошили и не посолили всей остальной рыбы. Покончив с работой, Диско Троп и его брат отправились в каюту, ушли также и Мануэль с Долговязым Джэком, скоро исчез и Том Плэт. Несколько минут спустя Гарвей уже слышал громкий храп, доносившийся из каюты, и вопросительно поглядел на Дэна и Пенна.

– Кажется, Дэни, я сегодня работал чуточку получше, – сказал Пенн, едва поднимая отяжелевшие веки. – Однако надо помочь тебе убрать все это!

– Уходи восвояси, Пенн, – отвечал Дэн. – Это вовсе не твоё дело. Тащи-ка сюда ведро, Гарвей. А ты, Пенн, помоги мне стащить вот это в кладовую, а потом и ступай себе спать!

Пенн поднял тяжёлую корзину с рыбьей печеню и переложил её содержимое в огромную бочку, после чего исчез и он.

– Мыть палубу – обязанность юнг; они же должны стоять на вахте в тихую погоду. Таковы правила на шхуне «Мы здесь»! – Дэн энергично принялся мыть пол, вычистил ножи и стал точить их, в то время как Гарвей, по его указанию, выбрасывал за борт оставшиеся рыбы кости и отбросы.

При первом всплеске из спокойной, словно застывшей воды поднялось что-то серебристо-белое и послышался какой-то странный вздох. Гарвей отскочил и вскрикнул от испуга. Дэн засмеялся.

– Это касатка! – сказал он. – Бросай-ка теперь рыбы головы. Они всегда так вздыхают, когда голодны. Разве ты никогда не видел раньше касаток? Ты увидишь их здесь сотнями. Я ужасно рад, что у нас на шхуне опять есть юнга. Отто – стар, да к тому же немец. Мы с ним постоянно ссорились. Да ты спишь?

– Едва на ногах стою! – кивнул Гарвей.

– На вахте спать нельзя. Пойди-ка посмотри, горит ли наш сигнальный огонь. Ты сегодня дежурный, Гарвей!

– Ну, зачем же? Никто не натолкнётся на нас. Светло как днём!

– Всякое случается. Бывает, что заснёшь вот так, в хорошую, ясную погоду, а какой-нибудь пароход наскочит и раскроит судно надвое. А потом будут уверять, что на шхуне огни не были зажжены и был непроглядный туман. Гарвей, я тебя полюбил, но, если ты будешь клевать носом, я тебя разбужу вот этим концом каната!

Сиявший в эту ночь на небе месяц был свидетелем странной картины: худенький, стройный юноша в красной куртке, спотыкаясь, ходил взад и вперёд по палубе семидесятитонной шхуны, а за ним, зевая и тоже спотыкаясь, следовал другой и размахивал в воздухе концом морского каната.

Руль тихо поскрипывал, паруса слегка трепались под дыханием слабого ветерка, брашпиль покрывал, а странная процессия все двигалась. Гарвей жаловался, грозил, кричал, наконец, даже расплакался, а Дэн заплетающимся языком рассказывал ему о красотах ночи, продолжая стегать концом. Наконец пробило десять часов, и Пенн выполз на палубу. Он нашёл обоих мальчиков спящими рядом. Они спали так крепко, что ему пришлось тащить их до коек.

III

Благодатный сон освежил их душу и тело, и к завтраку они явились с завидным аппетитом. Опорожнив большую оловянную чашку сочной рыбы, они принялись за работу: вымыли тарелки и сковороды, оставшиеся от обеда старших, которые уже отправились на рыбную ловлю, нарезали ломтями свинину к обеду, заправили лампы, натаскали в кухню угля и воды. День был ясный, тёплый. Гарвей вдыхал свежий, чистый воздух полной грудью.

За ночь подошло немало других шхун, и море пестрело парусами. Вдали дымили невидимые пароходы да виднелись паруса большого корабля. Диско Троп сидел на крыше каюты и курил. Он смотрел на море, кишевшее мелкими судами.

– Когда отец вот эдак задумается, – сказал Дэн, – это неспроста. Отец хорошо знает нравы трески. А весь рыбацкий флот знает отца. Вот они все и собрались сюда, будто невзначай, на самом же деле зорко следят за нашей шхуной. Вон «Принц Лебо», он подобрался к нам ночью. А вот та большая шхуна, с заплатой на парусе, это «Кэри Питмэн» из Чэтгэма. Когда отец пускает дым кольцами, вот как сейчас, это значит, что он изучает все рыбы хитрости и планы. Если теперь заговорить с ним, он страсть как рассердится. Недавно я подвернулся ему в такую минуту, так он в меня сапогом швырнул!

Диско Троп сосал свою трубку и смотрел вдаль. Действительно, он старался угадать, куда направится треска. Он знал, что все эти появившиеся на горизонте шхуны пришли, чтобы воспользоваться его опытом и знаниями; но это только льстило его самолюбию. Однако на добычу он все-таки пойдёт один. По окончании сезона он отправится в Виргинию. Так раздумывал Диско Троп. Он ничего не забыл, принял в расчёт и погоду, и ветер, и течение, и количество имеющихся съестных припасов. Поглощённый мыслями о треске, сам он походил на большую треску. Наконец, он вынул изо рта трубку.

– Отец, – сказал Дэн, – мы сделали своё дело. Позволь нам спуститься на шлюпке. На море тихо!

– Только не в этом красном шутовском наряде и жёлтых башмаках. Дай ты ему, Дэн, что-нибудь попримечнее!

– Отец сегодня в хорошем расположении духа, – заметил весело Дэн, увлекая за собою в каюту Гарвея. Им вдогонку Троп бросил ключ. – Моя запасная куртка хранится у отца, потому что мать говорит, что я неряха!

Дэн порылся в сундуке, и несколько минут спустя Гарвей преобразился: на нем была грубая темно-синяя матросская куртка с заплатами на локтях, а на ногах красовались огромные резиновые сапоги, какие носят рыбаки.

– Ну вот, теперь ты на человека похож! – сказал Дэн. – Да ну же, поворачивайся скорее!

– Далеко не забирайтесь, – напутствовал Троп, – да к чужим шхунам не подходите близко. Если вас кто спросит, что я намерен делать, отвечайте правду – то есть, что вы ничего не знаете!

Маленькая, окрашенная в красный цвет шлюпка была привязана к корме. Дэн притянул её и легко спрыгнул на дно шлюпки. За ним тяжело свалился в лодку Гарвей.

– Ну, этак в лодку прыгать не годится, – укорил его Дэн. – Хорошо, что сегодня тихо; будь волны, ты бы опрокинулся вместе со шлюпкой и пошёл бы ко дну. Учись быть ловким!

Дэн вложил уключины и сел на переднюю скамейку, наблюдая за Гарвеем. Мальчику случалось раньше грести, только катаясь на каком-нибудь пруду, и грёб он, как барышня. Но между лёгкими вёслами, какими он взмахивал тогда, и тяжёлыми длинными вёслами, которыми приходилось работать теперь, была большая разница: он не мог вытащить их из воды, и у него вырвался вздох досады.

– Чаше! Гребь чаще! – кричал Дэн. – Надо поворачивать весла в воде!

Шлюпка была чистенькая. На дне её лежали маленький якорь, два ковша, гарпун, пара лесок с двойными крючками и тяжёлыми грузилами.

– А где же мачта и паруса? – спросил Гарвей, успевший уже натереть себе мозоли на руках.

– Плохая ловля на парусах! – захохотал Дэн. – Да ты не очень налегай! Скажи, хотел бы ты иметь такую лодочку?

– Отец мог бы подарить мне не одну такую! – отвечал Гарвей.

– Правда. Я забыл, что твой отец миллионер. Ну а ты пока не разыгрывай из себя миллионера. Так ты думаешь, он тебе подарил бы шлюпку со всеми снастями? Ведь это стоит кучу денег!

– В этом не было бы ничего удивительного. Мне только не приходило в голову просить об этом отца.

– Должно быть, твой отец очень добрый и расточительный человек. Тише, Гарвей!

Весло выскочило из уключины и ударило Гарвея в подбородок, отбросив его назад.

– Вот видишь! Да мне и самому попадало, когда я учился грести. Только мне тогда было всего восемь лет!

Гарвей сел на прежнее место. Челюсть ныла. Он сидел, нахмурившись.

– Нечего дуться. Отец говорит, что мы сами виноваты, если не умеем обращаться с вещами. Ну-ка, попытаем счастья здесь. Вот и Мануэль!

Португалец был на расстоянии мили от них, однако, когда Дэн подал ему знак веслом, он замахал в ответ левой рукою.

– Тридцать сажен, – сказал Дэн, насаживая на крючок приманку. – Ну, нечего нежничать. Смотри на меня и делай так же!

Дэн давно уже закинул удочку, а Гарвей все ещё не мог умудриться насадить на крючок приманку. Лодка легко скользила по течению. Они ещё не бросили якоря.

– Попалась! – закричал Дэн. Крупная треска, всплеснув хвостом по воде, обрызгала Гарвея и тяжело шлёпнулась в лодку.

Дэн ловко оглушил рыбу молотком и выдернул из её рта крючок. В это время и Гарвей почувствовал, что на его удочку клюнуло.

– Посмотри, Дэн, ведь это «клубника»! – закричал он.

Крючок запутался в кусте «клубники», очень похожей на настоящую лесную, с такими же белыми с розовыми бочками ягодами, только листьев не было, а стебли были липкие.

– Брось! Не трогай!

Но было уже поздно. Гарвей снял пучок клубники с крючка и любовался им.

– Ой! Ой! – закричал он вдруг. Он обжёг пальцы, точно схватил крапиву.

– Ну, теперь ты знаешь, что такое морская клубника. Отец говорит, что ничего, кроме рыбы, нельзя трогать голыми руками. Швырни эту дрянь в море, да насаживай поскорее приманку. Нечего зря глазеть!

Гарвей улыбнулся, вспомнив, что ему положили десять с половиною долларов жалованья в месяц, и подумал о том, что сказала бы его мать, увидев его на рыбачьей лодке, посреди океана. Она не находила себе места от волнения, когда он отправлялся кататься на лодке по Серенакскому озеру. Вспомнил он также, что смеялся над её страхом. Вдруг удочку сильно потянуло у него из рук.

– Отпусти немного! – закричал Дэн. – Сейчас я тебе помогу!

– Не смей! Это моя первая рыба, я сам хочу... Да уж не кита ли я поймал?

– Пожалуй, палтуса! – Дэн наклонился, стараясь разглядеть, что там, в воде, и держа наготове на всякий случай гарпун. Что-то овальное и белое блестело в воде... – Эге! Да эта рыбка не меньше пятнадцати фунтов весом! Ты что же, непременно хочешь справиться с нею один?

Лицо Гарвея было красным от напряжения и волнения. Пот катился с него градом. Солнце отражалось в воде и слепило глаза. Мальчики устали возиться с палтусом, который двадцать минут бился, увлекая за собою лодку. Наконец, они справились с крупной рыбой и вытащили её в лодку.

– Недурно для начала! – сказал Дэн, вытирая лоб.

Гарвей с гордостью смотрел на свою добычу. Он часто видел пойманных палтусов на мраморных столах магазинов, но никогда не интересовался тем, как их ловят. Теперь он это знал по опыту. Усталость давала себя знать во всем теле.

– Если бы отец был здесь, – заметил Дэн, – он сказал бы, что это значит. Теперь рыба попадает все больше мелкая, а ты поймал самого крупного палтуса, какие ловились нами в это плавание. Вчера поймали много крупной рыбы, но ни одного палтуса. Это что-нибудь да значит. Отец знает все приметы рыбной ловли в этом месте!

В это время на шхуне «Мы здесь» раздался выстрел из пистолета и на мачте показалась корзина.

– Что бы это значило? Это сигнал, чтобы вся команда возвращалась на шхуну. Отец никогда не прерывал рыбной ловли в это время. Поворачивай, Гарвей!

Он шли против ветра и приближались уже к шхуне, как вдруг до них донеслись жалобные крики Пенна, находившегося в полумиле от них. Он кружил со своей лодкой на одном месте, как огромный водяной паук. Пенн пробовал сдвинуться с места, но лодка тотчас поворачивала назад, точно притянутая верёвкой.

– Надо помочь ему, – сказал Дэн, – а то он останется здесь до второго пришествия!

– Что с ним случилось? – спросил Гарвей. Теперь он жил в особом мире, в котором многое было ему ново, и он не только не чувствовал себя вправе предписывать законы старшим, как это делал раньше, но постоянно должен был обращаться к ним за разъяснениями. Море было по-прежнему спокойно.

– Опять запутал якорь. Уж этот Пенн, вечно потеряет якорь. Вот за это плавание он уже посеял два якоря в песчаном дне. Отец говорит, что, если он потеряет ещё один, он даст ему «келег». Вот почему Пенн в таком отчаянии!

– А что такое «келег»? – спросил Гарвей, смутно представляя себе какую-нибудь ужасную пытку, практикуемую моряками.

– Большой камень вместо якоря. Если на чьей-нибудь лодке увидят камень, все знают, что это значит, и поднимают матроса на смех. Пенн страшно боится этого. Он такой чувствительный! Ну что, Пенн, опять запутался? Брось, милый, своё искусство!

– Не могу сдвинуться с места, – пожаловался Пенн. – Уж я пробовал и так и сяк – ничего не помогает!

– А это что за гнездо? – спросил Дэн, указывая на связку запасных весел и верёвок.

– Это испанский кабестань, – с гордостью отвечал Пенн. – Сальтерс научил меня делать его, но и он не может сдвинуть лодку с места!

Дэн закусил губу, чтобы скрыть улыбку, дёрнул раз, другой за верёвку и вытащил якорь.

– Принимай, Пенн! – засмеялся он. – Не то опять зацепится!

Пенн широко раскрыл свои голубые глазки, удивлённо смотрел на якорь и горячо благодарил Дэна.

Когда они отъехали от лодки Пенна так, чтобы их не было слышно, Дэн сказал Гарвею:

– У Пенна шариков не хватает. У него разум помутился. Ты заметил?

– В самом деле или это предположение твоего отца? – спросил Гарвей, налегая на весла. Работа вёслами шла у него заметно лучше.

– Отец в этом случае не ошибся. Пенн действительно странный. Я расскажу тебе, как это с ним случилось... Так, так, Гарвей, ты теперь гребёшь отлично... – Он был когда-то моравским пастором. Его звали Джэкоб Боллер – это отец мне говорил, – у него была жена и четверо детей,

и жили они где-то в Пенсильвании. Раз Пенн забрал их всех и отправился на моравский митинг; на ночь они остановились в Джонстоуне. Ты слышал когда-нибудь, что есть такой город?

Гарвей подумал.

– Слышал, – вспомнил он, – только не помню, по какому поводу. Вот и другое такое имя – Аштабула – почему-то припоминается мне!

– Потому что с обоими связаны воспоминания о страшных событиях. В ночь, когда Пенн и его семья были в гостинице, Джонстоун исчез с лица земли. Плотины прорвало, и город погиб от наводнения. Дома смыло и унесло водою. Я видел картины, на которых было изображено это бедствие – оно было ужасно. Жена и дети утонули на глазах у Пенна прежде, чем он успел опомниться. Вот с этого времени ум его и помутился. Он смутно помнит, что что-то случилось в Джонстоуне, но что – не помнит. Забыл он даже, кто он, чем был раньше. Дядя Сальтерс встретил его в Алетани-Сити. Сальтерс – добрый человек, он взял Пенна к себе и дал ему работу.

– Разве твой дядя Сальтерс фермер?

– Всегда был земледельцем. Ферму свою он продал недавно одному бостонцу, который выстроил на её месте дачу. Он заплатил дяде кучу денег. Ну, вот на эту ферму, которая ещё тогда не была продана, Сальтерс и привёл Пенна. Оба бобыля жили себе, скребли землю; только раз моравские братья, к секте которых принадлежал Пенн, проведали, где он находится, и написали Сальтерсу. Не знаю, чего они хотели от него, только Сальтерс страшно рассердился. Сам он принадлежал к епископальной церкви и ответил, что ни за что не выдаст Пенна какой-то моравской секте и не отпустит его в Пенсильванию. Потом он, вместе с Пенном, пришёл к отцу – это было два года тому назад – и попросил, чтобы отец взял их с собою на рыбную ловлю. Он не ошибся, предположив, что моравцы не пустятся в погоню за Джэкобом Боллером в море. Отец охотно взял Сальтерса на шхуну – я это прекрасно помню, – и он рыбачил. Морской воздух хорошо подействовал на Пенна. Отец говорит, что когда он придёт в себя, вспомнит про жену и детей, то и умрёт. Никогда не говори Пенну о Джонстоуне, не то дядя Сальтерс выбросит тебя за борт!

– Бедняга Пенн! – прошептал Гарвей. – А между тем кто бы мог подумать, что Сальтерс так заботится о нем!

– Я тоже люблю Пенна, мы все жалеем его, – сказал Дэн. – Мы бы могли взять его лодку на буксир, да я хотел тебе рассказать все это про него, чтобы ты знал!

Они подошли близко к шхуне. Подходили за ними и остальные лодки.

– Будет вам сегодня ловить рыбу! – закричал Дэн. – Посмотри, Гарвей, сколько судов прибыло ещё с утра. Все они выжидают, куда пойдёт отец. Взгляни, Гарвей!

– Мне они все кажутся похожими друг на друга!

Действительно, для непривычного глаза все эти покачивающиеся в море шхуны казались одинаковыми. Но Дэн хорошо знал их все и начал называть их Гарвею по именам, рассказывать, кому они принадлежат и откуда пришли.

– Что это не видно «Эбби Диринг», отец? Верно, и она подойдёт завтра!

– Завтра вы не увидите других шхун, Дэнни, – отвечал Троп. Старик всегда называл сына Дэнни, когда был в духе. – Тесно здесь, молодцы, уж очень мы окружены! – продолжал он, обращаясь к рыбакам, высаживавшимся на шхуну. – Пусть себе ловят и крупную и мелкую рыбу другие, а мы уйдём на другое место! – Троп взглянул на привезённую рыбаками добычу: за исключением пойманного Гарвеем палтуса, рыба была вся мелкая.

– Я жду перемены погоды, – прибавил Троп.

– Что-то не предвидится перемены, – сказал Долговязый Джэк, окинув взглядом безоблачное небо.

Однако через каких-нибудь полчаса над морем спустился туман. Он клубился и ложился, как дым, над бесцветной водой. Рыбаки молча принялись за дело. Сальтерс и Джэк стали под-

нимать якорь. Брашпиль заскрипел, когда стали наматывать мокрый канат. Наконец, с шумом, похожим на рыданье, якорь был вытащен.

– Поднимай кливер и фок-вейль! – отдал приказание Троп.

Скоро шхуна «Мы здесь» стояла под парусами, которые наполнялись ветром.

– Туман принёс с собой ветер! – сказал Троп.

Гарвей с удивлением смотрел на все, что происходило вокруг. Больше всего его удивляло, что он почти не слышит команды. Только изредка старый Троп не то скажет, не то проворчит что-то или в виде одобрения скажет: «Вот так, сынок».

– Ты никогда ещё не видел, как снимаются с якоря? – спросил Том Плэт.

– Никогда. Куда мы пойдём?

– На рыбную ловлю, как ты мог догадаться, прожив неделю на шхуне. Тебе все в диковину. А мы привыкли к неожиданностям. Думал ли я когда-нибудь, что попаду...

– Все лучше, чем получить четырнадцать долларов в месяц и пулю в живот! – откликнулся Троп, стоя у руля.

– Доллары и центы хороши, – возразил отставной служивый, прилаживая что-то у кливера. – Да мы об этом не думали, когда работали у брашпиля на «Мисс Джим Бок», выйдя с рейда Бофор в то время, как нам вслед открыли огонь с крепости, а море так и кидало нас. Где ты был в то время, Диско?

– В этих же местах, где мы находимся сейчас, зарабатывал себе хлеб рыбной ловлей да старался не попасться в лапы пиратам. Жаль, что не могу услужить тебе, Том Плэт, горячим боем. Однако, кажется, мы выйдем в море, как следует, с попутным ветром!

Волны всплёскивали у киля и рассыпались брызгами у носа шхуны. Тяжёлые капли падали со снастей. Все рыбаки ушли на подветренный борт шхуны, только дядя Сальтерс упрямо оставался у люка. Вот волна со свистом и шумом хлестнула через борт, ударила Сальтерса прямо в спину и окатила его с ног до головы. Он встал, сердито сплюнул и пошёл было на другое место, но его опять окатило. Сальтерс попробовал встать у фок-мачты, но и тут воды было ему по колено.

– Пенн, ты бы шёл в каюту и напился кофе, – сказал Сальтерс, – нечего тебе слоняться по палубе в такую погоду.

– Ну, теперь они будут распивать кофе и играть в шашки, пока коровы с поля не придут! – сказал Дэн, когда дядя Сальтерс вслед за Пенном отправился в каюту. – Да, пожалуй, скоро последуем их примеру и мы все. Нет на свете людей ленивее наших земляков, когда они не на рыбной ловле!

– А я и забыл, что у нас на шхуне есть пассажир! – закричал Долговязый Джэк. – Только и вспомнил, когда ты заговорил с ним, Дэнни. Тому, кто не знает названия снастей, некогда лениться. Передай-ка нам новичка, Том Плэт, мы его поучим!

– Ну, теперь очередь не за мною! – засмеялся Дэн. – Иди один. Меня учил концом морского каната отец!

Целый час мучил Долговязый Джэк свою жертву, показывая, как он говорил, вещи, которые каждый должен знать на море, будь он слеп, пьян или спросонья. На шхуне вместимостью в семьдесят тонн не Бог весть сколько снастей, но Долговязый Джэк любил красноречие и выразительные жесты. Желая обратить внимание Гарвея на гардель, он упирался пальцами в затылок мальчика и заставлял его долго смотреть вверх; чтобы научить его отличать корму от носа, у него тоже была особая система: не доходя несколько футов до гафеля, он слегка потягивал его за нос; название каждого каната укреплялось в памяти Гарвея лёгким ударом конца верёвки.

Урок был бы легче, если бы палуба не была так завалена. Но по ней трудно было двигаться. Приходилось шагать через цепи и канаты брашпиля, пробираться мимо насоса, между кадок для рыбьей печени.

Том Плэт не забыл также описать Гарвею, какие паруса и снасти были на «Огю», пароходе, на котором он когда-то служил.

– Не слушай его, малый! – вмешался Джэк. – Том Плэт, ты только сбиваешь с толку мальчика со своим «Огю»!

– Должен же я ознакомить его с основными правилами мореходства! – возразил Том. – Управлять парусным кораблём – целое искусство, Гарвей. Я бы показал тебе, если бы...

– Знаю, ты бы его до смерти заговорил. Молчи, Том. Ну-ка, Гарвей, скажи, как ты возмёшь рифы у фок-вейля? Подумай хорошенько!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.